

Игорь Семенович Кон

Мужчина в меняющемся мире

Серия «Диалог»

В настоящее время во всем мире много говорят о кризисе маскулинности и о том, что происходит с мужчинами. Слова о феминизации мужчин, ослаблении отцовства и т. п. буквально не сходят со страниц массовых изданий. Однако зачастую теоретические споры не основываются на тщательном изучении фактов, а судьба России рассматривается так, будто она существует сама по себе, отдельно от остального человечества. В этой книге известный российский социолог И. С. Кон пытается прежде всего корректно сформулировать возникшие проблемы. Что значит кризис маскулинности? Как и почему меняются наши представления о маскулинности? Какие глобальные вызовы стоят перед современными мужчинами, способны ли они с ними справиться и как эти общие проблемы решаются в России? Книга основана на результатах новейших мировых социологических, психологических и антропологических исследований. В ней нет технических деталей, но она рассчитана на вдумчивое чтение и самостоятельное размышление и может быть использована в качестве пособия по социологии, гендерным исследованиям, социальной антропологии и психологии.

Предисловие

Введение в «мужиковедение»

Высшая цель человечества —
ведать свое назначенье.

Ровно за десять грошей здесь его
можно купить.

Фридрих Шиллер. Объявление книгопродавца

Предлагаемая вниманию читателя книга — часть одноименного междисциплинарного исследовательского проекта, которым я занимаюсь с 1999 г. Меня интересует, что происходит с мужчинами в мире, в котором они постепенно утрачивают свое бывшее господство и гегемонию, с какими новыми проблемами они сталкиваются и как они отвечают на вызовы истории.

Первоначально я думал посвятить этой теме одну книгу, но работа над первой же обзорной статьей, главой учебного пособия по гендерным исследованиям (Кон, 2001), показала, что проблем слишком много и к ним нужно подходить с разных сторон. Следующим этапом работы стала иллюстрированная книга «Мужское тело в истории культуры» (Кон, 2003б), прослеживающая эволюцию мужского телесного канона и способов художественной репрезентации обнаженного мужского тела с древнейших времен до современной массовой культуры.

Затем я несколько лет занимался изучением особенностей развития и социализации мальчиков, главным образом — в контексте психологии развития, которую у нас по инерции называют возрастной психологией (отчасти дело в особенностях русского языка — developmental psychology по-русски как-то не звучит). Результаты этой работы в ближайшее время будут представлены в книге «Мальчик — отец мужчины». Я собирался закончить ее раньше, но по ходу работы обнаружил существование целого ряда сложных научно-теоретических и общественно-политических проблем, о масштабе и серьезности которых в России, похоже, мало кто знает. Поэтому я решил не торопиться и сначала разобраться со свойствами взрослых мужчин и женщин и лишь после этого вернуться к особенностям их индивидуального развития.

Наконец, последние четыре года в центре моего внимания был важнейший и, пожалуй, единственный исключительно мужской социальный, точнее биосоциальный, институт — отцовство, изучение которого позволяет, как мне кажется, глубже понять природу, функции и внутреннюю взаимосвязь многих других мужских ролей и идентичностей.

Главные результаты моих исследований и представлены в этой книге. Я не претендую на роль первооткрывателя — о маскулинности и «мужских проблемах» в мире существует огромная специальная литература. Моя задача — синтетически-просветительская. Я подхожу к теме не как теоретик, формулирующий ряд умозрительных и логически последовательных идей, которые, может быть, кто-нибудь когда-нибудь к чему-нибудь приложит, а пытаюсь осмыслить ее через обобщение массы более или менее достоверно установленных, но разрозненных социологических, антропологических, исторических и психологических фактов. Такой подход сегодня крайне непопулярен, люди предпочитают обсуждать не разнородные факты, а методологические принципы. Вообще говоря, я разделяю этот пафос, обсуждать идеи интереснее, чем факты, но без учета эмпирических исследований невозможно отличить научные теории и гипотезы от субъективных мнений.

Мой первый принцип — максимальная *опора на данные специальных наук*. Как специалист по истории и методологии общественных и гуманитарных наук я хорошо знаю слабые стороны научного и, тем более, гуманитарного дискурса, но при всех ограничениях научные факты все-таки более солидны, чем неотрефлексированные и категоричные суждения обыденного сознания, даже если они облечены в философскую форму.

Второй принцип — *меж- или полидисциплинарность*. Интересующие нас вопросы с разных сторон изучаются и обсуждаются в рамках социологии, антропологии, истории, психологии, гендерных исследований и многих других наук, каждая из которых имеет свой собственный понятийный аппарат и логику исследования. Нередко то, что считается достоверным в одной науке (например, в эволюционной биологии), категорически отвергается в другой (например, в гендерных исследованиях). Чтобы перебросить между ними логические мосты, нужно иметь солидные профессиональные знания в каждой из них, что невозможно. Единственное, что может сделать автор обобщающей книги, — показать эвристическую ценность и одновременно границы того или

иного монодисциплинарного подхода. Минимальные методологические требования при этом: а) никогда и ни при каких условиях ничего не утверждать о мужчинах и женщинах «вообще», без учета социально-экономических, этнокультурных и иных средовых параметров, и б) никогда не сводить и не выводить индивидуально-личностные свойства людей из социально-средовых или биологических факторов.

Третий принцип — *всемирно-исторический контекст*. В последние полвека взаимоотношения между мужчинами и женщинами, а следовательно, и их психология существенно изменились и продолжают меняться. Хотя межполовая конкуренция, или, как ее иногда называют, «война полов», существовала всегда, в прошлом ее рамки и возможности были жестко определены культурой, и эти ограничения воспринимались как универсальный биологический закон. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого специфические веками отработанные приемы и методы, но они сравнительно редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины, как правило, был другой мужчина, а соперницей женщины — другая женщина. Сейчас, впервые в истории человечества, сложилась ситуация, когда мужчины и женщины начали открыто и жестко конкурировать друг с другом не только в семейно-бытовой сфере, где многое зависит от индивидуальных особенностей партнеров, но в самом широком спектре общественных отношений и деятельностей. На первый взгляд, это отвратительно и ужасно. Однако конкуренция — не только соперничество, но и способ кооперации, в результате которой у представителей обоих полов образуются новые социальные качества. Какие именно, как им нужно учиться и как преодолевать возникающие при этом конфликты?

Чтобы корректно ставить эти вопросы, современные процессы нужно изучать прежде всего там, где они возникли раньше и достигли определенной степени зрелости. Как писал Маркс, анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот. Хотя меня больше всего волнуют отечественные реалии, я обсуждаю не специфически российские, а глобальные, мировые процессы, без учета которых наша локальная жизнь не может быть понята. Одно из самых распространенных сегодняшних заблуждений — миф о якобы существующем «множестве цивилизаций». В прошлом

разные человеческие общества действительно развивались гетерохронно (разновременнo) и в значительной степени автономно друг от друга, однако новое время это изменило. В XX в. возникла глобальная цивилизация, с общей технологией, проблемами и базовыми ценностями. Это касается и гендерного порядка.

Поскольку новые черты взаимоотношений мужчин и женщин возникли, достигли определенной степени зрелости и были осознаны на Западе значительно раньше, чем в России, изучать их надо прежде всего на западном материале и только после этого смотреть, действуют ли те же самые закономерности в России. Если да, в чем их специфика, а если нет — почему и какова альтернатива?

Кроме того — и это прямо вытекает из сказанного выше, — на Западе гораздо больше научных исследований, что, в свою очередь, способствует повышению их качества. Если у вас мало молока, откуда возьмутся сливки? Наличие противоречивых научных данных стимулирует рождение новых гипотез, которые тут же подвергаются эмпирической проверке. Обобщений, основанных на плохих выборках и самодельных методиках, никто всерьез не воспринимает. Следовательно, я должен сначала посмотреть, что сделано «за бугром», а потом сравнивать с этим отечественные данные, если таковые имеются, если же нет — включить творческое воображение, по пословице «Голь на выдумки хитра». Впрочем, это может сделать и читатель.

Характер книги определяет ее стилистику. Каждый ученый знает, что истинная ценность исследования заключена в его деталях, но если я буду говорить на языке социологии, меня могут не понять психологи и педагоги, психологический язык непонятен антропологам, а язык гендерных исследований глубоко чужд врачам, сексологам и андрологам. Междисциплинарность ограничивает и возможности полемики с предшественниками и коллегами. Профессиональная полемика — крайне увлекательная вещь, которая нередко волнует собеседников даже больше, чем обсуждаемый предмет. Человек со стороны, не собирающийся навсегда прописаться в этом сообществе, включиться в этот разговор практически не имеет возможности. Междисциплинарная книга так строиться не может, она должна быть популярной. Я опираюсь на труды своих предшественников, отбирая в них то, что мне кажется наиболее плодотворным, но мой главный подразумеваемый собеседник — читатель. Возникнет ли с ним мысленный

диалог и захочет ли он проверить предложенные ему мысли, заглянув в указанные в книге источники, мне знать не дано.

Эта книга не является ни учебником, ни энциклопедией, ни популярным изданием типа «Все, что вы хотели знать о мужчинах, но не смели или не умели спросить». Начиная этот проект, я первоначально хотел назвать его введением в социальную андрологию, науку о мужчинах. Но термин «андрология» уже существует в медицине, причем одни трактуют его как раздел урологии, а другие — как автономную дисциплину о мужском здоровье, своего рода мужской аналог гинекологии и даже шире (гинекологи лечат не все женские болезни, а только те, которые связаны с репродуктивной системой). Я уважаю и комплексный подход, и научную специализацию, но на некоторых больших медицинских конференциях все «мужское здоровье» размещается ниже пояса, и мне становится смешно и грустно.

На мой взгляд, умножение числа «логий» и «гитик» реальному прогрессу научного знания не способствует. Новые проблемы всегда возникают на стыке разных наук, но стоит только cultural studies превратиться в «культурологию», а гендерным исследованиям — в «гендерологию», как реальные содержательные вопросы уступают место схоластическим спорам о предмете, методах и разграничении новой дисциплины от остальных. С точки зрения самоутверждения в бюрократической системе образования, это очень важно: без особой «логии» не будет ни кафедр, ни лекционных курсов, ни денег. Но интеллектуально создание параллельных феминологии («бабоведения») и андрологии («мужиковедения») закрепляет ту самую психологию гендерного гетто, которую современный мир, не признающий «мужской» и «женской» половины ни в доме, ни в обществе, последовательно разрушает.

Логическая структура книги проста.

В первой, вводной, главе «Кризис маскулинности и возникновение „мужского вопроса“» показано, как возникли интересующие нас социальные проблемы, каков их идеологический смысл и какие научные дисциплины их изучают.

Вторая глава, «Товарищ мужчина. Мифы, метафоры и парадигмы», прослеживает древнейшие мифологические истоки оппозиции «мужского» и «женского», соотношение ее природных (половой диморфизм) и социальных (гендерный порядок) факторов, раскрывает содержание понятий маскулинности и фемининности (М — Ф) и смысл

соответствующих психологических тестов и описывает наиболее общие, транскультурные противоречия и парадоксы маскулинности.

Третья глава, «Мужчины в постиндустриальном обществе», является социологической, она посвящена изменению социального положения и статуса мужчин в современном обществе, соотношению старых и новых канонов и идеологий маскулинности и тому, как эти исторические вызовы воспринимаются и осмысливаются мужчинами на Западе и в России.

Четвертая глава, «Мужчина в зеркале психологических исследований», основана на психологических данных. В ней на конкретном научном материале прослеживается, как под воздействием описанных выше социальных вызовов изменяются (или не изменяются) присущие (или приписываемые) мужчинам психологические черты и свойства: умственные способности и направленность интересов, агрессивность, соревновательность и любовь к риску, сексуальность и телесный канон. Завершается эта глава кратким обзором социальных проблем мужского здоровья.

Последняя глава, «Отцовство и отцовские практики», — попытка охарактеризовать историческую динамику и современное состояние самого важного и самого проблематичного мужского института — отцовства. Она открывается вопросами, зачем нужны отцы и что значит «кризис отцовства»; дает краткий очерк антропологии и истории отцовства; прослеживает, как под влиянием гендерной революции изменяются идеология отцовства и конкретные отцовские практики на Западе и в России; какие психологические проблемы возникают в связи с этим у современных отцов (что отец дает детям, что отцовство дает мужчине, и как меняются стили отцовского воспитания) и, наконец, в какой помощи нуждаются отцы.

Чтобы не нарушать сквозную логику изложения, но при этом показать читателю, на каких конкретных фактах основаны те или иные гипотезы, мне показалось удобным выделить отдельные исторические, антропологические или лингвистические экскурсы, подборки статистических данных, описания психологических тестов и т. п. подзаголовками «Интерлюдии» и «Материалы к размышлению».

Последнее замечание — библиографического свойства. Современная научная литература по любому вопросу очень обширна и быстро обновляется. Поэтому я предпочитаю

делать ссылки на авторитетные обзорные труды или недавние исследовательские статьи, в которых заинтересованный читатель найдет дополнительную информацию. Искать новые иностранные книги и журналы в российских библиотеках практически бесполезно, у них ни на что нет денег, но в вашем распоряжении есть Интернет. Наберите интересующий вас вопрос (лучше по-английски) или название нужного журнала, и Google. com покажет вам некоторые ссылки и краткие резюме статей. Правда, за полный текст статьи журнал спросит 20–35 долларов, которых у нас с вами нет. Но если вы наберете в том же Google имя и фамилию автора или точное название статьи, то почти наверняка, хоть и не без труда, узнаете его электронный адрес, после чего останется только попросить его прислать вам свой бесценный труд. В восьми случаях из десяти ответ будет быстрым и положительным (один автор из двадцати, подобно большинству наших соотечественников, на письма не отвечает, некоторые присылают файлы, которые невозможно открыть, а иногда электронные письма, как и обычные, почему-то пропадают). Вероятно, есть более совершенные методы поиска, но я старый человек и их не знаю. Так что не обижайтесь на дружеский совет, вдруг пригодится?

Эта работа была начата в 1999 г. по гранту Фонда Макаруров № 99-57255 («Меняющийся мужчина в изменяющемся мире: Введение в социальную андрологию») и продолжена по проектам РГНФ № 01-06-00012а («Особенности развития и социализации мальчиков») и № 05-06-06042а («Отцовство: социально-педагогическая перспектива»). Обеим этим организациям, а также Центрально-Европейскому университету в Будапеште, Институту Кеннана и Программе Президиума РАН «Русская культура в мировой истории» я выражаю искреннюю благодарность. Существенную помощь в работе мне оказали также коллеги по Институту этнологии и антропологии РАН, директор Левада-Центра Л. Д. Гудков, социологи Т. А. Гурко, И. Н. Тартаковская и ряд других товарищей.

Игорь Кон

Ноябрь 2007

Глава первая

КРИЗИС МАСКУЛИННОСТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ «МУЖСКОГО ВОПРОСА»

«Человек рода он», как определил мужчину Даль, встречает XXI век с белым флагом капитуляции в руках. Это напоминает размахивание кальсонами. Ликуй, феминистка! На Западе женское движение, приобретя уставные формы идеологии, разрушило половую «империю зла». Прощай, главенствующий статус! Цивилизованный мужчина отступил по всем направлениям...

Виктор Ерофеев

Начиная с 1970-х годов на Западе, а затем и в России стали говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль жизни, а возможно, и сами психические свойства мужчин не соответствуют современным социальным условиям, что мужчины сдают свои главенствующие позиции или что им приходится платить за них слишком высокую цену. Этот синдром получил название «кризиса маскулинности».

Причины и возможные пути его преодоления трактуются по-разному и даже противоположно. Одни авторы видят проблему в том, что мужчины как социальная группа отстают от требований времени: их установки, групповое самосознание и представления о том, каким может и должен быть «настоящий мужчина», не отвечают изменившимся социальным условиям и подлежат радикальному изменению и перестройке. Чтобы спасти себя, мужчины должны смотреть и двигаться вперед. Другие, наоборот, видят в социальных процессах, расшатывающих привычную мужскую гегемонию, угрозу вековым «естественным» устоям цивилизации как таковой и призывают мужчин как традиционных защитников стабильности и порядка положить

конец деградации и вернуть общество назад, в спокойное и надежное прошлое.

Сами по себе эти споры не уникальны и не новы. Поскольку мужчины на протяжении веков были господствующей силой общества, по крайней мере его публичной сферы, нормативный канон маскулинности и образ «настоящего мужчины», как и все прочие высшие ценности, такие как «настоящая дружба» и «вечная любовь», всегда идеализировались и проецировались в прошлое. Философы классической Греции восхищались мужеством героев гомеровской эпохи. Римляне времен Империи скорбели об утрате мужских добродетелей республиканского Рима. Англичане эпохи Реставрации и французы периода Регентства сетовали на упадок мужской доблести, свойственной средневековым рыцарям, а немцы начала XX века умилялись средневековым мужским союзам и мужской дружбе эпохи романтизма.

В периоды быстрых исторических перемен, когда прежние формы отношений власти становятся неадекватными, ностальгические чувства обостряются, побуждая идеологов писать о феминизации мужчин и об исчезновении «настоящей мужественности». Современные разговоры о кризисе маскулинности также имеют идеологическую природу, отражая растущую озабоченность и неудовлетворенность мужчин и женщин существующим порядком своих взаимоотношений. Если в XIX в. в европейском общественном сознании появился так называемый женский вопрос, то в последней трети XX в. стало возможным говорить о возникновении «мужского вопроса».

На первый взгляд, проблематизация мужского статуса связана прежде всего с рождением феминизма. Появление организованного и идеологически оформленного женского освободительного движения воспринимается мужчинами то как угроза, то как интеллектуальный вызов, то как пример для подражания, активизируя желание защищать собственные групповые интересы. Но каковы эти интересы и от кого их нужно защищать? Состоит ли проблема в том, что женщины «незаконно» присваивают традиционные мужские социальные привилегии? Или в том, что женщины становятся похожими на мужчин и начинают успешно конкурировать с ними? Или в том, что сами мужчины потеряли или боятся потерять какие-то ценные качества? Или мужчинам стало тесно и неудобно в привычной исторической коже?

Формулировка вопроса во многом предопределяет и возможные варианты ответа.

МУЖСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В США. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

По словам американского социолога Майкла Месснера (Messner, 1997), существует три специфических фактора мужской общественной жизни.

Во-первых, мужчины как группа пользуются институциональными привилегиями за счет женщин как группы.

Во-вторых, за узкие определения маскулинности, обещающие им высокий статус и привилегии, мужчины расплачиваются поверхностными межличностными отношениями, плохим здоровьем и преждевременной смертью.

В-третьих, неравенство в распределении плодов патриархата затрагивает не только женщин, но и мужчин: властная, гегемонная маскулинность белых гетеросексуальных мужчин среднего и высшего класса конструируется в противовес не только женщинам, но и подчиненным (расовым, сексуальным и классовым) категориям мужчин.

Осознание взаимосвязи этих факторов пришло не сразу. Первое «Мужское освободительное движение» (The Men's Liberation) зародилось в США в 1970 г. в русле либеральной идеологии. Его организационным центром в 1970—80-х годах была «Национальная организация меняющихся мужчин», которую в 1991 г. сменила «Национальная организация мужчин против сексизма» (The National Organization for Men Against Sexism — NOMAS).

Первоисточником всех мужских проблем и трудностей идеологи этого течения считали ограниченность мужской половой роли и соответствующей ей психологии, доказывая, что от сексистских стереотипов страдают не только женщины, но и сами мужчины. «Мужское освобождение стремится помочь разрушить полоролевые стереотипы, рассматривающие „мужское бытие“ и „женское бытие“ как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения... Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства „фемининные“, а не „маскулинные“. Более полное понятие о человеке

признает всех мужчин и женщин потенциально сильными и слабыми, активными и пассивными, эти человеческие свойства не принадлежат исключительно одному полу», — писал в 1970 г. Джек Сойер (цит. по: Messner, 1997. P. 36).

Авторы мужских бестселлеров 1970-х годов Уоррен Фаррелл, Марк Фейген Фасто, Роберт Брэннон и другие доказывали, что для устранения мужских трудностей нужно прежде всего изменить социализацию мальчиков, образно говоря — позволить мальчикам плакать. Поскольку большинство этих людей были психологами и выходцами из среднего класса, социальная структура и связанное с ней гендерное неравенство и особенно неравенство положения разных категорий мужчин до поры до времени оставались в тени, а призывы к «изменению маскулинности» сводились к доказыванию необходимости более широкого выбора стилей жизни, расширения круга социально приемлемых эмоциональных проявлений и возможностей большей самоактуализация для мужчин. Исключением был социальный психолог Джозеф Плек, который связывал мужские психологические качества с борьбой за власть и ее удержание.

Акцент на индивидуальные качества, а не на социальную стратификацию и гендерный порядок означал отрицание или недооценку реальных мужских привилегий и сведение всей проблемы к такому воспитанию, которое позволило бы мужчинам гармоничнее сочетать инструментальные и экспрессивные роли, различие которых убедительно описал и продемонстрировал американский социолог Толкотт Парсонс. Тем не менее это было демократическое движение. В официальной декларации NOMAS (1991) подчеркивается, что «мужчины могут жить более счастливой и полноценной жизнью, бросив вызов старомодным правилам маскулинности, предполагающим принцип мужского верховенства». Три главных принципа организации — положительное отношение к мужчинам, поддержка феминистского движения и защита прав геев. «Традиционная маскулинность включает много положительных черт, которыми мы гордимся и в которых черпаем силу, но она содержит также качества, которые ограничивают нас и причиняют нам вред. Мы всячески поддерживаем мужчин, борющихся с проблемами традиционной маскулинности. Как организация для меняющихся мужчин, мы заботимся о мужчинах и особенно озабочены мужскими проблемами, а

также трудными вопросами, с которыми сталкивается большинство мужчин» (NOMAS, 1991).

Социальное освобождение и самоизменение мужчин возможны только совместно с женщинами. Гендерная стратификация — это система мужского верховенства, когда мужчины как группа угнетают женщин; изнасилование и другие формы сексуального насилия — лишь крайние формы выражения этого угнетения. Речь идет не просто о защите мужчин, а о борьбе против социального неравенства и гендерных привилегий во всех сферах жизни, включая сексуальность. Это движение тесно связано с феминизмом, его идеологи и активисты называют себя феминистами или профеминистами. Ключевыми фигурами и ведущими теоретиками этого течения стали известные социологи Майкл Киммел (США) и Рейвин Коннелл (Raewyn Connell) (Австралия).^[1]

Особую разновидность его, скорее интеллектуальную, чем политическую, образует социалистический мужской феминизм, находящийся под сильным влиянием марксистского структурализма. В отличие от либерального мужского феминизма, концентрирующего внимание преимущественно на психологических и, особенно, психосексуальных трудностях мужского бытия, эта группа придает больше значения классовому неравенству, политическим институтам и отношениям власти.

Однако политика, пафос которой направлен на отмену привилегированного положения мужчин, не может мобилизовать под свои знамена широкие мужские массы. Хотя идеи «мужского освобождения» получили довольно широкое распространение в США, Англии и, особенно, в Австралии, серьезной политической силой это движение не стало. Организаций такого типа много, но они малочисленны, представлены в них преимущественно мужчины среднего класса с университетским образованием и левoliberalными взглядами. По своему характеру это, как правило, «мягкие» мужчины, чей телесный и психический облик порой не совсем отвечает стереотипному образу «настоящего мужчины» — сильного и агрессивного мачо. Мнение, что среди них преобладают геи, не соответствует истине, но интерес к мужским проблемам часто стимулируется личными трудностями (отсутствие отца, непопулярность среди мальчиков в классе, неудачный брак, трудности отцовства и т. п.). Для некоторых из этих мужчин общественно-политическая деятельность психологически компенсаторна.

Среди «обычных» мужчин интерес к проблемам маскулинности невысок. Хотя во многих университетах США уже давно преподается курс «Мужчины и маскулинность», который, казалось бы, должен интересовать юношей, 80–90 % его слушателей — женщины, а среди мужчин преобладают представители этнических и/или сексуальных меньшинств. Дело не в том, что «обычные» молодые мужчины не имеют проблем (книги на эти темы отлично раскупаются), а в том, что они стесняются признаться в этом. Впрочем, в последние годы положение стало меняться.

Значительно более массовыми стали консервативно-охранительные движения, направленные на сохранение и возрождение ускользающих мужских привилегий. В противоположность либералам и феминистам, идеологи американского «Движения за права мужчин» (The Men's Rights Movement) Уоррен Фаррелл, Херб Голдберг и другие видят главную опасность для мужчин в феминизме и растущем влиянии женщин. Фаррелл сначала был одним из самых рьяных защитников «мужского освобождения», но затем резко изменил позицию. По его мнению, «сексизм» и «мужское господство» — это мифы, придуманные агрессивными женщинами в целях унижения и дискриминации мужчин. Никакой «мужской власти» в США, да и нигде в мире, не существует. «Иметь власть — не значит зарабатывать деньги, чтобы их тратил кто-то другой, и раньше умереть, чтобы другие получили от этого выгоду» (цит. по: Kimmel, 1996. Р. 303). И на работе, и в семье современные мужчины угнетены больше, чем женщины, которым всюду даются преимущества. Под видом борьбы против сексуальных домогательств и насилия женщины блокируют мужскую сексуальность, в семье американские мужчины бессильны, при разводе отцы теряют право на собственных детей и т. д. Спасти мужчин может только организованная самозащита, чем и занимаются многочисленные союзы и ассоциации: «Коалиция свободных мужчин», «Национальный конгресс мужчин», «Мужские права» и т. п. Особенно популярна среди мужчин идея защиты прав отцов вообще и одиноких отцов в особенности.

В обосновании и возрождении идеи сильной маскулинности важную роль играет протестантский фундаментализм. Еще в начале XX в. в США и Англии получила распространение идеология так называемого «мускулистого христианства», стремящаяся спасти заблудшие мужские души от губительной для них

«феминизации» и изображающая Христа не мягким и нежным, а сильным и мускулистым. На волне неоконсерватизма 1980-х годов эта идеология получила новые стимулы.

Возникшее в начале 1990-х годов по инициативе бывшего футбольного тренера Колорадского университета Билла Мак-Картни движение «Верных слову» (Promise Keepers) воинственно выступает против «феминизации» и «гомосексуализации» общества. Мужскую агрессивность, которую либеральные теоретики хотели бы искоренить, «Верные слову» считают естественной и неизбежной — все дело в том, как и куда ее направить. Хотя в их идеологии нет явного женоненавистничества, они утверждают, что коль скоро именно мужчина создан по образу и подобию Бога, он тем самым раз и навсегда поставлен выше женщины. Принцип женского равноправия подрывает традиционные семейные ценности и дезорганизует общество. Мужчина всюду и везде должен быть главой, ведущим, его сущность и призвание — быть ответственным лидером.

Сторонники этого движения осуждают пьянство, наркоманию и сексуальное насилие, призывают мужчин «вернуться домой», быть верными мужьями, способными работниками, надежными кормильцами, заботливыми отцами и «христианскими джентльменами»: «Держи свое слово, данное жене и детям, будь человеком слова!» Защитой семейных ценностей это консервативное движение привлекает к себе симпатии не только мужчин, но и многих женщин. В его первом митинге в 1990 г. участвовали лишь 72 человека, а в 1995 г. его приверженцами считали себя уже свыше 600 тысяч мужчин в тринадцати городах США! Однако главный лозунг движения — полный назад! — совершенно утопичен. Уже в конце 1990-х годов число его сторонников резко уменьшилось.

Политико-идеологические позиции некоторых мужских движений крайне неоднозначны, их не всегда можно разделить на «правых» и «левых». Особенно сложно в этом плане зародившееся в 1980-х годах так называемое мифопоэтическое движение. Оно началось с того, что многие, преимущественно белые, гетеросексуальные и хорошо образованные американцы среднего класса стали посещать собрания и лекции, где обсуждались мужские проблемы. Эти собрания и митинги позволяли мужчинам общаться друг с другом и имели психотерапевтическую ценность, давая людям возможность выговориться, преодолеть привычную

скованность и обменяться опытом по преодолению типичных мужских трудностей.

Своеобразным манифестом этих мужчин стала разошедшаяся огромным тиражом (свыше 500 тысяч экземпляров, в твердом переплете) книга поэта Роберта Блая «Железный Джон» (Bly, 1990). По мнению Блая, главная задача современности — направить мужчин на путь духовного поиска, чтобы помочь им восстановить утерянные базовые мужские ценности. Во всех древних обществах существовали особые ритуалы и инициации, посредством которых взрослые мужчины помогали мальчикам-подросткам утвердиться в их глубинной, естественной маскулинности. Городское индустриальное общество разорвало связи между разными поколениями мужчин, заменив их отчужденными, соревновательными, бюрократическими отношениями, и тем самым оторвало мужчин друг от друга и от их собственной мужской сущности. (Сходные идеи развивали некоторые немецкие мыслители в начале XX в., а романтики — в начале XIX в.). Место здоровых мужских ритуалов занимает, с одной стороны, разрушительная, агрессивная гипермаскулинность уличных банд, а с другой — размягчающая и убивающая мужской потенциал женственность.

Блай и его последователи красочно описывают эмоциональную бедность и ущербность современных мужских взаимоотношений, будь то отношения сыновей с отцами или отношения между мужчинами на работе и в быту, и мечтают восстановить традиции древнего мужского братства и межпоколенного наставничества. Хотя многие из этих людей политически отнюдь не реакционны, для них характерны иррационализм и антиинтеллектуализм, а их положительный идеал «нового мужчины» весьма расплывчат. Говоря о реально существующих и всем знакомых вещах, мифопоэтическая идеология обладает большой эмоциональной притягательностью. Однако она произвольно истолковывает данные мифологии и антропологии, не видит конкретных социальных причин описываемых ею процессов, рассуждает о мужчинах вообще, как о едином типе, и абсолютизирует различия между мужчинами и женщинами. Ее главная философская база — учение К. Г. Юнга, в частности — разграничение мужского духа (анимус) и женской души (анима).

При всех своих различиях мужские движения не представляют реальной и организованной политической силы. В спорах о кризисе маскулинности больше эмоций и

идеологии, чем спокойной рефлексии. Социально активные мужчины находят другие каналы самореализации, а остальным эти вопросы безразличны, тем более что прикладные аспекты темы — мужское здоровье, сексуальность, педагогика отцовства и т. п. — широко (и более конкретно) освещаются в политически не ангажированных коммерческих изданиях и средствах массовой информации.

Несмотря на свою политическую неэффективность, мужские движения способствовали вычленению целого ряда специфических мужских проблем и уточнению категориального аппарата так называемых мужских исследований или исследований мужчин — *men's studies*. До середины 1980-х годов «мужским проблемам» посвящались преимущественно популярные книги и исследования медико-биологического характера. Затем количество публикаций стало расти в геометрической прогрессии, захватывая все новые темы и отрасли знания. Появились многочисленные серийные публикации, а некоторые хрестоматии, например составленная Майклом Киммелом и Майклом Месснером антология «Мужские жизни» (*Men's Lives*), стали международными бестселлерами.

Наиболее полная библиография литературы о мужчинах и маскулинности, составленная и регулярно обновляемая (16-е издание вышло в 2007 г.) Майклом Флудом (*Flood, 2007*) (Австралия), состоит из 37 разделов, включая такие сюжеты, как мужские исследования; взросление; отцовство и отношения в семье; развод и забота о детях; интимность; сексуальность; гомосексуальность и гомофобия; мужские движения, группы и услуги; дружба между мужчинами; социальная работа с мальчиками; социальная работа с мужчинами; труд и классовые отношения; раса и этничность; старение; спорт и досуг; мужское здоровье; мужское тело; репродуктивные проблемы и технологии; ВИЧ/СПИД; порнография; насилие и способы его предотвращения; мужчины и феминизм; мужчины в политике; мужские права; маскулинности и их репрезентации в культуре; мужской язык; мужской юмор; мужчины в тюрьмах, криминальной среде и перед лицом закона; история маскулинностей; теоретико-методологические проблемы мужских исследований и т. п. Последнее издание библиографии насчитывает около 17 300 книг и статей, а в 1998 г. в ней было только 3 000 названий. В 2008 г. Дидерик Янсен опубликовал новую международную библиографию по

маскулинности «International guide to literature on Masculinity».

Возникают многочисленные исследовательские группы и центры. Например, Американская Ассоциация по изучению мужчин (The American Men's Studies Association — AMSA) объединяет мужчин и женщин, занятых преподаванием, исследованиями и клинической практикой в сфере мужских исследований и работы с мужчинами. Ее цель — путем изучения мужских жизненных опытов как «социо-историко-культурных конструктов» «способствовать критическому обсуждению вопросов, касающихся мужчин и маскулинностей и распространять знания о мужских жизнях среди широкой публики». В рамках Американской психологической ассоциации на правах ее отделения с 1997 г. функционирует Общество психологических исследований мужчин и маскулинности (The Society for the Psychological Study of Men and Masculinity — SPSMM). Специализированные группы и центры существуют практически во всех западных странах, особенно много их в Великобритании и Австралии. Проводится огромное количество международных симпозиумов и конференций. Мужская проблематика заняла важное место в социальной истории, истории семьи, школы и образования. С 1989 г. выходит научный журнал «Gender and History».

Как грибы, растут специальные журналы о мужчинах и для мужчин. Первоначально это были преимущественно популярные издания вроде австралийских «XY: Men, sex, politics» (с 1990 г.), «Certified Male» (с 1995) и «Journal of Interdisciplinary Gender Studies» (с 1996 г.) и британских «Achilles Heel» и «Working With Men». Затем появились солидные международные междисциплинарные научные журналы: «Journal of Men's Studies» (с 1992 г.); «Men and Masculinities» (с 1999 г., главный редактор Майкл Киммел, я имею честь состоять в его редколлегии); «Psychology of Men and Masculinity» (с 2000 г., орган SPSMM), «International Journal of Men's Health» (с 2002 г.). «Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers» (с 2003 г.). Эти издания содержат массу научной информации о разных сторонах и аспектах мужского бытия. Не обходят их молчанием и остальные научные журналы. Исследовать и обсуждать мужские проблемы стало модно во всех общественно-научных, гуманитарных, психологических и медико-биологических дисциплинах. Выходят солидные междисциплинарные справочники, такие как «Энциклопедия

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru